

Аркадий Мацанов

НАХИЧЕВАНЕЦ

Начало в № 5 (188), 6 (189)
Сама мало веря в свои предположения, она совсем потеряла покой.

— Мария Абрамовна, расскажите, как вы готовите мясо с черносливом? Как-то мне приходилось быть в гостях в еврейском доме. Там нас угощали очень вкусно!

Софья Андреевна увела гостью на кухню, пытаясь отвлечь ее от тревожных мыслей.

После обеда Рубен некоторое время играл с детьми. Он взял красную мамину шаль, большую черную шляпу и... превратился в волшебника, показывая фокусы, рассказывая веселые истории, вырезал из бумаги разные безделушки...

Олечке добрый волшебник подарил небольшое красное сердечко.

— А это тебе, моя королева! — сказал он, протягивая камешек из красного кирпича. — Мое сердечко! Ты послушай, как оно бьется! Я тебе его дарю, и пока ты будешь его хранить, с тобой ничего плохого не случится...

Олечка взяла из его рук камешек и, как бесценный подарок, прижала к себе крепко-крепко. В тот вечер и она отдала свое сердечко этому благородному юноше!

На следующий день Рубен повторил попытку достучаться в квартиру Левиных. На шум открыла дверь хозяйка соседней квартиры.

— Чего стучишь? — спросила полная женщина в халате и тапочках.

— Мне Левинины нужны. Не знаете, где они? — ответил Рубен.

— Не знаю... Молодые вроде бы как уехали. И старушка с внучкой уехала третьего дня. А дед ходил здесь. Только я его вот уже два дня как не вижу... Может, дежурит в больнице? — предположила соседка.

На шум открылась еще одна дверь, и белокурая женщина уточнила:

— В той же вечер, коли поехала Мария Абрамовна, суди уверялися погромники. И что потрібно було відкрити їм? Старе як мале! Але шуму великого чути не було. Потім вони пішли. Двері замкнені — погромники навряд чи б замкнули за собою двері... А може, помер старий?

Высказанное предположение возбудило соседку. Вызвали дворника, который в присутствии городского открыл дверь.

Старик Левин лежал посреди комнаты в луже крови. Голова его было проломлена. Повсюду были разбросаны вещи, книги...

Рубен ехал домой и всю дорогу думал, как рассказать о случившемся Марии Абрамовне. Решил поговорить с отцом. Он должен что-нибудь придумать.

Поехал к нему на службу.

Григорий Христофорович долго молчал. Скорбная новость поразила его бессмысленной звериной жестокостью. Как помочь Марии Абрамовне перенести свалившееся горе? Нужно вызвать из Петербурга ее сына, организовать похороны... Телеграф? Для начала необходимо узнать адрес...

Мария Абрамовна тихо плакала. Она была растеряна, не знала, что делать, как вызвать детей, как похоронить мужа. Рядом с нею плакала Олечка. Ей никто не говорил, почему бабушка плачет, но та плакала, и горько плакала Олечка. Софья Андреевна увела девочку в детскую, наказав всем быть с малышкой как можно ласковее.

На следующее утро Мария Абрамовна стала собираться домой.

— Вы, голубушка, не берите с собой внучку. Не стоит ей этого видеть... Пусть побудет у нас, потом приедет и заберете девочку.

— Да не останете вы, я думаю, — с сожалением сказала Мария Абрамовна.

— Рубен с нею договорится, — успокоил Григорий Христофорович. — Он, вроде бы, нашел к ней подход.

Потом, обращаясь к сыну, сказал:

— Ты слышал, сынок. Попробуй уговорить малышку...

Григорий Христофорович телеграфом вызвал Льва Марковича и Евгению Наумовну из Петербурга, Дмитрий Федорович помог с организацией похорон. В последний путь старого врача пришел проводить и Григорий Христофорович. Он волновался за Марию Абрамовну и решил уговорить ее не возвращаться в их дом, до приезда сына пожить у них. Кто-то пришел и из синагоги...

Марка Моисеевича похоронили тихо на новом еврейском кладбище, что раскинулось между переулком Доломановским и улицей Скобелевской.

Когда телега, на которой вели гроб с усопшим, въехала на территорию кладбища, все вдруг почувствовали запах гари. Служитель тихо пояснил:

— Третьего дня хулиганы пьяные разгромили кладбище, надгробья, какие были каменные, — разбили, а деревянные — сожгли.

Всюду валялись разбитые плиты...

Мария Абрамовна едва шла. Ее вели под руки Дмитрий Федорович и Григорий Христофорович.

Раввин прочел молитву, гроб опустили в могилу...

— Вот что, голубушка, — сказал старушке Григорий Христофорович, — вам сейчас домой никак нельзя. Приедут дети, тогда и пойдете к себе. К тому же у нас Олечка уже плакала за бабушкой.

— Конечно, — поддержал его Дмитрий Федорович, — поезжайте, уважаемая Мария Абрамовна.

Старушка уже плохо понимала, что происходит. Ей помогли сесть на конку, и они с Григорием Христофоровичем поехали в Нахичевань.

Через день приехали Лев Маркович с женой. Евгения Наумовна стала приводить в порядок квартиру, а Лев Маркович поехал к Чалхушьянам по адресу, данному ему Дмитрием Федоровичем. Он не сразу заметил мать. В темном углу комнаты сидела горькая старушка и смотрела на него подслеповатыми глазами, и только когда заговорил, она встала и, протянув к нему руки, громко запричитала по-еврейски:

— Вейз мир! Готе ню! Как же это могло произойти?! На кого от меня оставил? Почему не поехал с нами?! Зачем мне жить?! Я не хочу жить!

Лев Маркович подхватил мать, прижал ее к себе, стал что-то говорить, гладить по седой голове, словно ребенка.

Потом в комнату прибежала Оленька. Она с детьми играла в саду. Увидев плачущую бабушку, тоже готова была разревевшись, но в последний момент увидела отца. Ничего не понимая, девочка обняла его...

— А где мама? — спросила она, крепче прижимаясь к ногам отца.

— Мама дома нас ждет... — ответил Лев Маркович. Потом, взглянув на вошедшего в комнату Григория Христофоровича, сказал:

— Спасибо вам за все. Не знаю, смогу ли когда-нибудь вернуть долг, но вы должны знать, что если, не дай бог, вам когда-нибудь понадобится врач, я всегда к вашим услугам.

— Да будет вам... Мы поступили как нормальные люди. Григорий Христофорович Чалхушьян, — отрекомендовался он.

— Лев Маркович Левин...

— Присядьте... Сейчас приедет моя конка. Старший сын уехал ненадолго. Он и ответит вас домой...

Лев Маркович сел на стул.

— Страшно подумать... Как будто мы вернулись в средневековье...

— Европа кичится своей демократией, своей терпимостью к другому мнению. На самом деле их демократия — лишь банальное прикрытие главной идеи, провозглашающей примат индивидуального над общинным.

Григорий Христофорович почувствовал в госте интеллектуала, сел в кресло и продолжил:

— Многие мыслители, духовные отцы, наши предводители возлагают на Россию особую мессианскую надежду. Но пока, как мы видим, эта надежда не исполняется, и Россия проявляет себя в таких извращенных формах... Армяне благодарны России. Она в свое время спасла нас от многих бед, и надежда у нас еще теплится.

— Я того же мнения, — согласился Лев Маркович. — Убежден в полном равноправии всех рас и народов, как и всех людей на земле, но... с реальностью не поспоришь... Страшно становится жить... Страшно! Не знаю, как вернуться в дом, в котором был убит мой отец. Не знаю...

— В таком случае вот вам мой совет: у вас в Ростове четырехкомнатная квартира?

— Да. В трехэтажном доме на втором этаже. Дому не более десяти лет... — Вот и продайте ее. Сейчас квартиры в цене. Купите дом в Нахичевани! Поверьте: здесь той мерзости, что случилась в Ростове, произойти не может. На пролетке до вашей больницы — не более пятнадцати-двадцати минут езды. Кстати, неподалеку от нас приличная дом выставили на продажу. Хозяина знаю лично. Собирается во Францию к сыну, вот и продает дом...

Через некоторое время Левинины купили дом Ованеса Вартаняна и переехали в Нахичевань.

Зима в 1916 году была холодной и снежной. Дул сильный северный ветер, валил деревья, подметал улицы, собирая снег в сугробы. С раннего утра дворники лопатами очищали тротуары, посыпали дорожки золой, чтобы можно было ходить. Конки от угла Большой Садовой и Братского переулка до Ростово-Нахичеванской меж ездил с большими перерывами. Богатые люди, имеющие свои выезды, пересели на сани...

В доме Чалхушьянов поселилась тревога. Шла война. Леона призвали на Западный фронт. Никаких вестей от него не было. Дела там были неважными. Войска отступали, мерзли в окопах, голодали...

Еще два года назад усилиями Григория Христофоровича и других энтузиастов был создан Нахичевано-Ростовский на-Дону армянский комитет, который развил бурную деятельность. Собирали для беженцев деньги, вещи и продукты, снаряжали отряды добровольцев. На Кавказский фронт записался и Рубен.

— Сынок, ты же ничего не умеешь, — говорил Григорий Христофорович, понимая, что если уж Рубен что-то решил, переубедить его будет непросто.

— Научусь... Не могу сидеть дома, когда такое творится. Мне уже двадцать семь. Стрелять умею. А что еще нужно на войне?!

Но прошло более года, а от сыновей не было никаких вестей.

Григорий Христофорович много работал. Летом в пятнадцатом году ездил в Тифлис, в Эчмиадзин. Был даже в зоне боевых действий. Надеяться встретить сына.

Как-то у небольшого села их остановили всадники.

— Ваше благородие, гости к нам, — доложил солдат молодому холемому поручику.

— Кто такие? — остановил коляску, запряженную двумя лошадьми, поручик. Потом, увидев солидного мужчину, продолжил другим тоном, стараясь быть строго официальным:

— Откуда и куда путь держите, сударь?

— Я приехал из Ростова. Проскочили, чтобы сократить путь, через Эчмиадзинский монастырь. Вот мои бумаги, — сказал Григорий Христофорович, протягивая поручику документы.

Тот прочитал удостоверение личности и бумагу, подтверждающую полномочия Чалхушьяна.

— Дорога по нынешним временам нелегкая. Здесь, между прочим, постерегайте курдов. Они режут всех кого ни попадя и бумаг не спрашивают. Все равно читать не умеют. Мать их в гриву! — неожиданно ругнулся поручик. — Идет война! И вам бы, любезный, не угодить в эту молотилку!

К ним подъехала группа казаков. Есаул скакал на вороном жеребце и широко улыбался, радуясь встрече. У пояса его висела сабля в ножнах. Лихо помахивая нагайкой, он воскликнул:

— Барон?! Снова встретил вас! Везет же второй раз за день! Пойдемте к столу, поручик. А с этим... — он небрежно показал на коляску, — пусть мой Афанасий разбирается! Впрочем, если от того стоит, и его пригласите с нами отобедать. Страшно жрать охота.

Лето было в том году жарким... Дождей не было. Солнце палило так, что иные солдаты падали в обморок. И, главное, спрятались от него было нигде. А в селе — надежда отдохнуть от знойного солнца и выпить холодной воды.

Поручик кивнул и, обращаясь к Чалхушьяну, весело произнес:

— И правда, сударь! Пошли отобедать. Неизвестно, когда еще такой случай повторится. Вон в тот крайний домишко и зайдем... Времени займет немного, надеюсь.

И он направил лошадь к домику, совершенно уверенный в том, что коляска едет за ним.

Они зашли в дом, по-хозяйски расположились за столом. Сел с ними и Григорий Христофорович, мысленно убеждая себя только наблюдать и не высказывать эмоций.

Дверь открылась, и девушка с печальными глазами взглянула на непрошенных гостей. Но поняв, что это русские, улыбнулась и что-то залепетала по-армянски.

— Вы что-нибудь поняли, барон? — спросил есаул.

— Она сказала, — ответил Григорий Христофорович, — что рада гостям и сейчас принесет нам вино и еду. А хозяин, говорит, ушел с отступающими войсками, оставив ее сторожить дом.

— Во сволочь! Сам драпанул, а молоту оставил на съедение волкам.

Есаул взглянул на Григория Христофоровича.

— Кто такой и откель по-ихнему кумекаешь?

— Он из нахичеванских армян, — пояснил поручик. — Приехал с доброй миссией с благословением князей церкви нашей. К тому же, как я понял, разыскивает сына. Здесь где-то служит.

— Земляк, значить. Это хорошо! Только где же здесь можно кого сыскать?

— Сушая правда, — подал голос казак, стоящий у двери, но есаул на него так посмотрел, что тот сразу же замолк.

Вскоре девушка принесла кувшин с вином, другой с мацони, положила две лепешки и с десяток яиц.

— И это все? — воскликнул есаул, на что девушка виновато стала ему говорить, а Григорий Христофорович тут же переводил:

— У них больше нет ничего. Это все, что есть в доме.

Есаул, не стесняясь, грубо выругался. Потом, обращаясь к Чалхушьяну, спросил:

— Как же она здесь осталась. Почему ее не угнали турки?

Григорий Христофорович перевел вопрос есаула, а потом и ответил:

— Говорит, что в их деревне всех армян погнали к большому ущелью, дна которого не видно, и только слышен грохот текущей где-то внизу горной речки. Несчастных поставили у края обрыва и штыками всех туда сбросили. Тех, кто сам не прыгал в пропасть, настигал нож. Говорит, что так погибли все армяне их деревни. Их было человек тридцать вместе с женщинами и детьми. Ее спрятали сосед-турок. Пожалел... Раньше, до войны, в этой деревне армяне и турки мирно жили.

— А в долине Арарата, — сумрачно заметил поручик, — собираются курды в боевые таборы. Всех режут, сволочи, точно овец. Креста на них нет, басурманы проклятые, что тут скажешь!

То, что увидел в той поездке Григорий Христофорович, было ужасным, и он надолго потерял покой, вел записи с надеждой, что ему удастся рассказать миру о тех зверствах. Сотни тысяч расстрелянных, повешенных. Людей продавали и покупали по лире за душу. Одиальные, истощенные люди... тысячи изнасилованных, замученных, обращенных в ислам мужчин, томлящихся в гаремах женщин... Оскверненные храмы, поруганные очаги...

Обо всем этом вспоминалось, когда Григорий Христофорович шел домой. Жена стала чувствовать себя плохо. После еды у нее возникала рвота, появились боли в животе. Пытался обратиться к знакомому доктору, но легче от его лечения не становилось. День ото дня было все хуже и хуже.

Когда он пришел со службы, Софья Андреевна не встретила его, как делала обычно.

— Софи-джан, ты где? — окликнул он жену, снимая пальто. — Что случилось?

Софья Андреевна лежала в кровати, повернувшись на правый бок лицом к стене, и тихо постанывала.

— Что случилось? — встревожено повторил Григорий Христофорович, присаживаясь на край постели.

— Сильные боли... За что мне такие мучения? Уж, лучше смерть!

Григорий Христофорович не знал, чем помочь жене. Куда бежать? Вечер на дворе. Зимой темнеет рано.

Потом вдруг, словно вспомнив что-то, надел пальто и вышел из дома. Неподдалеку жил Лев Маркович Левин, с которым они в последние годы подружились. Он врач, он поможет.

Под ногами хрустел снег, он запыхался от быстрой ходьбы.

Через пятнадцать минут Лев Маркович уже осматривал больную. Он долго мял живот, что-то выстукивал, на что-то давил, наконец, окончив обследование, встал и прошел в другую комнату, где ждали его Григорий Христофорович и дети.

— К сожалению, ничем обрадовать не могу. Больная нуждается в срочной операции. Воспаление желчного пузыря. Могло быть хуже, но еще не поздно. Медлить нельзя.

Григорий Христофорович побледнел. Операция! Это серьезно. Льва Марковича он знал как опытного и авторитетного хирурга...

Дети притихли. Сусанна оставила в сторону книгу, которую читала, и внимательно посмотрела на Льва Марковича.

— Что же делать, доктор? — спросила она.

— Нужно срочно оперировать! — повторил он. — Нельзя ждать! Прямо сейчас...

— Ночь на дворе... Завтра...

— Никаких «завтра». Срочно! Оденьте Софью Андреевну — и в больницу. Я еду с больной!

— А мне можно? — робко спросил Григорий Христофорович.

— Можно... Только это дело не быстрое...

Григорий Христофорович приказал служащему запречь лошадей в сани, на которые был послан ковер. Вывели Софью Андреевну, уложили и накрыли тупоном.

— Гони! — приказал Григорий Христофорович. — Скорее!

В больнице Софью Андреевну переодели и на носилках отнесли в операционную.

Григорий Христофорович сидел у входа и с тревогой наблюдал, как бегал персонал, сутелились медицинские сестры, готовя в палате место для «новенькой».

Дверь в операционную была чуть приоткрыта, оттуда разносился густой сладковатый запах хлороформа — новейшего средства для обезболивания при больших операциях. Несколько флаконов этой драгоценной жидкости недавно привез из Петербурга Лев Маркович.

Сколько времени прошло, Григорий Христофорович не знал. Он со страхом прислушивался к каждому шороху, звуку, раздающемуся из-за двери, но так и не мог представить себе, что там происходит.

Наконец дверь открылась, из операционной вышел хирург.

— Ну что, доктор? — с надеждой спросил Григорий Христофорович.

— Вовремя... Еще бы немножко... Теперь надежда только на Бога...

— Что же это было?

— Калькулезный холецистит... Вот эти камушки были в ее пузыре. Один закрыл выход. Желчь нагноилась. Еще немножко — пузырь бы прорвался, и тогда...

— Мне можно с нею поговорить? — Что вы! Она до утра теперь будет спать. Впрочем, уже почти утро. Приходите к вечеру.

— Может, принесите что-нибудь? — Пока ничего не нужно. Когда будет можно, я скажу. А теперь честь имею. Мне нужно еще взглянуть на больную... да и отдохнуть. Предстоит тяжелый день. Прощу простить. И вы отправляйтесь домой, поспите. Вечером приходите.

Через три недели Софью Андреевну привезли домой. Она похудела, ослабла, но была счастлива: ее не мучили боли, и она чувствовала, что поправляется.

А в воскресенье Григорий Христофорович пригласил Левиных к себе на обед.

Времена были трудными, но Григорий Христофорович сделал все, чтобы выказать доктору свою благодарность. Знал, что Лев Маркович не очень религиозный человек, но из уважения к его привычкам на столе не было свинины, сала и других продуктов, которые запрещает ест иудейская вера. Зато были шашлык из индюшатины, брынза, соленья, яйца... К чаю подали знаменитую нахичеванскую хурabu.

За столом возник разговор о последних событиях на фронтах.

— О мальчиках есть какие-нибудь известия?

— К сожалению, нет. Молимся, усердно молимся, чтобы пришли они домой целыми и невредимыми.

— На все воля Божья, — сказала Софья Андреевна.

— В мире такое творится, а мы в полном неведении, — ответил Григорий Христофорович. — На фронтах все очень непонятно.

— Да и здесь не спокойней, чем в окопах, — скептически заметил Лев Маркович. — Бурлит народ. В такие времена жди несчастий...

— В этом вы правы, уважаемый Лев Маркович. Потому-то я недавно и вступил в партию, чтобы не стоять в стороне.

— Это в какую же? Неужто в большевики подались? У нас поговаривают, купили их немцы, чтобы специально расшатать Россию изнутри.

— Не знаю, что кто говорит, но я вступил не в большевистскую партию. Не верю им! Призывают к радикальным переменам, а такие перемены не бывают без большой крови. Я вступил в партию конституционных демократов.

— Честно говоря, я очень далек от политики и стараюсь ее не касаться. Мне бы со своими больными разбраться...

Продолжение следует